

Gaston
LEROUX
1868 – 1927

Гастон
ЛЕРУ

Призрак Оперы

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Л 49

Перевод с французского Дарьи Мудролюбовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Леру Г.

Л 49 Призрак Оперы : роман / Гастон Леру ; пер. с фр. Д. Мудролюбовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-02673-5

Знаменитый роман «Призрак Оперы» принадлежит Гастону Леру — классика детективного и мистического романа. На протяжении XX века роман не раз экранизировался, по его мотивам Эндрю Ллойд Вебер создал напугавший мюзикл.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Д. Мудролюбова, перевод, 2000
© Г. Соловьева, комментарии, 2000
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2011
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-02673-5

*Моему старшему брату Джо,
который, не будучи призраком,
был тем не менее, как и Эрик,
Ангелом Музыки*

Призрак?..

В тот вечер, когда подавшие в отставку директора Оперы господ Дебьен и Полиньи устраивали банкет по случаю своего ухода, в гримерную Сорелли, одной из прима-балерин, неожиданно влетело полдюжины девушек из кордебалета, только что покинувших сцену после представления «Полиевкта». Они были в сильном смятении: одни неестественно громко смеялись, другие испуганно кричали.

Сорелли, собиравшаяся хотя бы ненадолго побыть в одиночестве и отрепетировать прощальную речь, которую ей предстояло произнести в фойе перед господами Дебьеном и Полиньи, с неудовольствием взглянула на шумную компанию, сгрудившуюся в дверях. Она повернулась к своим подругам и осведомилась о причине столь бурного волнения. Малышка Жамм — носик во вкусе Гревэна, глаза-незабудки, щечки цвета розы, лилейная шейка — сумела вымолвить в ответ только два слова трепещущим от ужаса голосом:

— Это призрак! — и тут же повернула ключ в двери.

Гримерная Сорелли была обставлена по-официальному элегантно и банально: вся меблировка состояла из дивана, туалетного столика и шкафов. На стенах висело несколько гравюр — память о матери, заставшей еще

прекрасные времена старой Оперы на улице Ле-Пелетье, портреты Вестриса, Гарделя, Дюпора, Биготтини. Но эта комната казалась девчонкам из кордебалета просто дворцом, ведь те размещались в общих гримерных, где они пели, препирались друг с другом, поколачивали парикмахеров и костюмерш и баловались черносмородиновой наливкой, пивом или даже ромом в ожидании звонка на выход.

Сорелли была очень суеверной; услышав восклицание малышки Жамм, она вздрогнула и проговорила:

— Дурочка!

И поскольку она больше других верила в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, Сорелли срочно захотела узнать подробности.

— Так вы его видели? — спросила она.

— Вот так же близко, как вас! — простонала малышка Жамм и, не чуя под собой ног, безвольно опустилась на стул.

— Если это и правда он, то он просто уродина! — подхватила малышка Жири, хрупкое создание — смуглая кожа да кости! — с глазами-черносливинами, иссиня-черными волосами.

— О да! — хором выдохнули балерины.

Они затараторили, перебивая друг друга. Призрак явился им в образе господина в черном, который откуда ни возмись возник перед ними в коридоре. Его появление было столь внезапным, что впору поверить, будто он вышел из стены.

— Да ну вас, — бросила одна из них, сумевшая сохранить самообладание. — Всюду вам мерещится призрак.

Действительно, вот уже несколько месяцев в Опере только и судачили что о призраке в черном фраке, который как тень фланировал по всем этажам огромного здания; он ни к кому не обращался и с ним никто не смел заговорить; заведя человека, он мгновенно исчезал неизвестно куда и каким образом. Передвигался он не-

слышно, как и подобает настоящему призраку. Сначала все только смеялись над этим привидением, одетым, как светский человек или как служащий похоронного бюро, но вскоре легенда о призраке разрослась в кордебалете до невероятных размеров. Каждая из девушек утверждала, будто видела это сверхъестественное существо и даже стала жертвой его козней, а те, что более всех смеялись, боялись его не меньше. Когда его не было видно, он напоминал о своем существовании забавными или зловещими происшествиями, виновником которых его провозглашало почти всеобщее суеверие. Случалось ли что серьезное, или просто затевался розыгрыш, терялась ли пуховка для рисовой пудры — во всем был виноват призрак — Призрак Оперы!

Но видел ли его вообще кто-нибудь? В Опере можно встретить множество черных фраков, и ничего призрачного в них не обнаруживается, но этот обладал особой приметой, не свойственной обычным фракам: он был надет на скелет.

Так, по крайней мере, утверждали девушки. Разумеется, вместо головы у Призрака был череп!

На самом деле образ скелета родился из описания призрака, которое дал Жозеф Бюкэ, старший рабочий сцены: он один видел его своими глазами. Он столкнулся с таинственным существом — невозможно употребить выражение «нос к носу», поскольку носа у того не было, — возле самой рампы, на узкой лестнице, которая вела прямо в подземелье. Он видел его всего одну секунду, так как Призрак тотчас же убежал, но запомнил навсегда.

Вот какими словами описывал Жозеф Бюкэ Призрака всем, кто хотел о нем услышать:

— Это удивительно худой человек, и его фрак болтается на костях как на вешалке. Глаза посажены так глубоко, что зрачки с трудом различимы. В сущности, видны только две большие черные глазницы, как у мертвецов. Кожа, которая натянута на костяк как на барабан,

вовсе не белая, а какая-то отвратно желтая, вместо носа — еле заметный бугорок, так что в профиль его вообще не видно, и само это отсутствие носа являет собой ужасное зрелище. Шевелюру заменяют несколько длинных темных прядей, свисающих на лоб и за уши.

Жозеф Бюкэ тщетно преследовал это странное существо; оно исчезло как по волшебству, и он так и не смог найти его следов.

Старший рабочий смены был человек серьезный, рассудительный, без всякой склонности фантазировать, непьющий. Его рассказ выслушивался с почтительным удивлением и интересом, и вскоре нашлись еще люди, которым также повстречался скелет в черном фраке и с черепом вместо головы.

Когда эти слухи дошли до людей здравомыслящих, те вначале заявили, что над Жозефом Бюкэ подшутил кто-то из его подчиненных. Но потом одно за другим произошли события настолько странные и необъяснимые, что и скептики начали беспокоиться.

Бригадир пожарных — все храбрецы. Ничего не боятся, а уж огня тем более.

Так вот, однажды пожарный, о котором идет речь *, спустился в подземелья проверить, все ли там в порядке, и, кажется, зашел несколько дальше, чем обычно; через некоторое время он в полной растерянности выскочил на сцену, бледный, дрожащий, с выпученными глазами, и едва не потерял сознание на руках достопочтенной матушки малышки Жамм. А все почему? Оказалось, что там, в потемках, он увидел, как к нему приближается пылающая голова, у которой не было тела. А я ведь уже говорил, что бригадир пожарных не боится огня!

Этого бригадира звали Папен.

Кордебалет был в смятении. Прежде всего потому, что огненная голова вовсе не подходила под описание

* Эту весьма правдивую историю мне рассказал сам господин Педро Гайяр, бывший директор Оперы.

Призрака, данного Жозефом Бюкэ. Еще раз хорошенько допросили пожарного, потом снова старшего рабочего сцены, и в результате девушки решили, что Призрак имеет несколько голов и меняет их, когда ему вздумается. Разумеется, они представили себе огромнейшую опасность, которой подвергались. Раз уж бригадир пожарных лишился чувств, то все корифейки и ученицы балетной школы нашли множество оправданий для того испуга, с которым они со всех ног бежали с любого слабоосвещенного места в коридорах.

Чтобы хоть как-то защитить здание Оперы от жуткой напасти, сама Сорелли, окруженная всеми танцовщицами и даже девчушками в трико из младших классов, на следующий же день после случая с бригадиром пожарных собственноручно возложила на стол, который стоял в вестибюле административного входа, подкову: к ней должен был прикоснуться всякий входивший в Оперу — разумеется, исключая зрителей, — прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Это было необходимо, чтобы не оказаться добычей тайных сил, которые завладели зданием от подвалов до чердаков.

Эта деталь, как, впрочем, и вся история, не выдумана мною, и до сих пор подкову можно увидеть в вестибюле на столе перед консьержкой, когдаходишь в Оперу через служебный подъезд.

Вот что привело девушек в такое душевное состояние в тот вечер, когда мы вместе с ними вошли в гримерную Сорелли.

— Там призрак! — вскричала, как было сказано выше, малышка Жамм.

А волнение от этого отнюдь не уменьшалось. Теперь в гримерной воцарилось леденящее молчание. Слышалось только прерывистое дыхание девушек. Потом Жамм в непритворном ужасе забила в самый дальний угол и прошептала:

— Послушайте!

И всем показалось, что за дверью действительно послышался какой-то шорох.

Никаких шагов. Донесся лишь шорох шелковых одежд, коснувшихся стены. Потом все стихло. Сорелли, пытавшаяся выказать себя не такой трусливой, как ее подруги, приблизилась к двери и слабым голосом спросила:

— Кто там?

Но никто не ответил ей.

Тогда, ощущая, что на ней скрестились напряженные взгляды балерин, наблюдавших за малейшими ее жестами, она сделала над собой усилие и громко произнесла:

— Кто-нибудь есть за дверью?

— Да-да! Конечно за дверью кто-то есть! — повторила за ней бойкая Мэг Жири, схватив Сорелли за газовую юбку. — Только не открывайте! Ради Бога, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, осмелилась все же повернуть ключ в замке и приоткрыла дверь; балерины, отступившие к самой туалетной кабинке, стояли, сбившись в кучу, а Мэг Жири шептала:

— Мамочка моя!

Между тем Сорелли отважно выглянула в коридор. Он был пустынен; газовый рожок в стеклянной колбе скупое освещал красноватым светом окружающий его сумрак, не в силах рассеять его. Балерина быстро закрыла дверь, испустив вздох облегчения.

— Никого там нет.

— Но мы же его видели! — утверждала Жамм, с опаской подходя к Сорелли. — Он, должно быть, бродит где-то поблизости. Я вообще не пойду переодеваться. Надо нам всем вместе спуститься в фойе, поприветствовать директоров и сразу вернуться.

С этими словами девушка благоговейно коснулась крохотного кораллового талисмана, который должен был

охранить ее от несчастий. А Сорелли украдкой, кончиком розового ногтя правого большого пальца, очертила крест святого Андрея на деревянном колечке, надетом на безымянный палец левой руки.

Один известный хроникер писал о ней:

«Сорелли — высокая, красивая танцовщица с серьезным чувственным лицом, гибкая, как ива, в театре все говорят о ней, что она „прелестное создание“. Золотистые белокурые волосы обрамляют высокий лоб, ее лицо освещено изумрудными глазами. Голова плавно покачивается на длинной точеной и горделивой шее. Во время танца она делает некое неуловимое движение бедрами, которое наполняет ее тело невыразимой негой. Когда эта восхитительная женщина поднимает руки и, слегка склонившись, выставляет ногу вперед, перед тем как сделать пируэт, подчеркивая таким образом линии корсажа, кажется, что это зрелище может любого свести с ума».

Правда, ума-то у нее почти и не было, однако в этом ее не упрекали.

— Девочки мои, — оглядела она юных балерин, — придите в себя!.. Что такое призрак? Может, его вообще никто не видел...

— Нет, мы видели его! Только что видели! — продолжали девушки. — У него череп вместо головы и тот самый фрак, в котором его видел Жозеф Бюкэ!

— И Габриэль тоже его видел! — добавила Жамм. — Не далее как вчера. Вчера, середь бела дня...

— Габриэль, хормейстер?

— Ну да. Вы разве об этом не слышали?

— И он был во фраке середь бела дня?

— Кто? Габриэль?

— Да нет же! Призрак!

— Вот именно! Он был во фраке! — подтвердила Жамм. — Габриэль сам мне об этом рассказал, он его по фракку и узнал. Дело было так. Габриэль сидел в кабинете заведующего постановочной частью. Вдруг

открылась дверь и вошел Перс. Ну, вам известно, что у Перса дурной глаз...

— Да-да! — хором ответили девушки, которые при имени Перса сделали рожки: вытянули вперед указательный палец и мизинчик, прижав большим пальцем средний и безымянный к ладони.

— ...и что Габриэль суеверен, — продолжала Жамм, — но всегда вежлив, и, когда встречается с Персом, он просто спокойно кладет руку в карман и дотрагивается до ключей... Так вот, как только перед Персом открылась дверь, Габриэль одним прыжком пересек комнату и дотронулся до замочной скважины шкафа, ну чтобы коснуться железа. При этом он зацепился своим пальто за гвоздь и вырвал оттуда целый кусок. Спеша выйти, ударился лбом о вешалку и набил себе огромную шишку; затем он попятился и ободрал руку о ширму, стоявшую возле рояля, хотел опереться на него, но крышка неожиданно захлопнулась и прижала ему пальцы; он как сумасшедший выскочил из кабинета и так торопился, спускаясь по лестнице, что споткнулся и пересчитал боками все ступеньки до второго этажа. Как раз в тот момент мы с мамой проходили мимо. Мы бросились поднимать его. У него все лицо было в крови, мы даже испугались, но он тут же разулыбался и воскликнул: «Спасибо тебе, Боже, что я так легко отделался!» Мы его расспросили, и он нам сказал, что его так напугало. Дело в том, что за спиной Перса был призрак! Призрак с черепом вместо головы, каким его описал Жозеф Бюкэ.

Жамм, запыхавшись, закончила свой рассказ, который она протараторила так, будто за ней гнался призрак; и тут же поднялся глухой испуганный ропот. Потом наступило молчание, которое прервал тихий голос малышки Жири, в то время как Сорелли, очень взволнованная, полировала ногти:

— Лучше бы Жозеф Бюкэ помолчал.

— Почему? — спросил кто-то.

— Так считает мама, — ответила Мэг еще тише, озираясь вокруг, как будто боялась, что ее услышит кто-то, кроме тех, кто находился в комнате.

— Почему твоя мама так считает?

— Тсс! Она говорит, что Призрак не любит, когда его беспокоят.

— Откуда она это знает?

— Потому что... Потому что нет ничего...

Это наигранная недомолвка разожгла любопытство девушек, которые тесно окружили малышку Жири и, склонившись в едином просящем и испуганном движении, стали умолять ее рассказать все, что она знает. Зараженные общим страхом, они получали от этого острое удовольствие, от которого леденела кровь в жилах.

— Я поклялась молчать, — наконец сказала Мэг.

Однако они не оставили ее в покое, обещая сохранить тайну, и наконец Мэг, сама сгоравшая от желания рассказать то, что она знала, заговорила, не сводя глаз с двери:

— Ну, это из-за логи...

— Какой логи?

— Логика Призрака!

— У Призрака есть ложа?!

При сообщении о том, что Призрак имеет собственную ложу, девушки не смогли сдержать возгласов удивления, смешанного с мрачным восторгом.

— О Господи, рассказывай... рассказывай!

— Тише! — приказала Мэг. — Это ложа первого яруса номер пять. Вам отлично известно, она первая слева от авансены.

— Не может быть!

— Говорю же вам. Эту ложу обслуживает моя мама. Но поклянитесь никому об этом не рассказывать.

— Конечно! Давай дальше!

— Так вот. Это ложа Призрака... Уже больше месяца туда никто не заходил, кроме Призрака;

естественно, и администрация получила указание никогда не сдавать ее...

— Это правда, что туда приходит Призрак?

— Ну да...

— То есть видели, что туда кто-то заходит?

— Да нет же! *Туда приходит Призрак и там никого нет!*

Девушки переглянулись. Если Призрак приходил в ложу, то его можно было увидеть, потому что у него черный фрак и череп вместо головы. Они сказали об этом Мэг, но та с горячностью возразила:

— Как вы не поймете? Призрака не видно, и у него нет ни фрака, ни головы! Все, что рассказывают о черепе или об огненной голове, — это болтовня! У него нет ничего подобного... Его можно только слышать, когда он в ложе. Мама ни разу его не видела, но зато слышала. Она хорошо это знает, ведь она сама ему приносит программку!

— Малышка Жири, да ты просто смеешься над нами, — сочла своим долгом вмешаться Сорелли.

Тогда малышка Жири расплакалась.

— Лучше бы я не болтала... Если бы только мама знала!.. Но все-таки Жозеф Бюкэ зря занимается делами, которые его не касаются. Это принесет ему несчастье. Мама еще вчера это говорила.

В этот момент послышались грузные торопливые шаги в коридоре и чей-то запыхавшийся голос прокричал:

— Сесиль! Сесиль! Ты там?

— Это голос матушки, — прошептала Жамм. — Что случилось?

Она открыла дверь. В комнату влетела представительная дама, сложением напоминавшая гренадера из Померании, и со стоном рухнула в кресло. Ее глаза дико вращались, и лицо приобрело оттенок терракоты.

— Какое несчастье! — проговорила она. — Какое несчастье!

— Что? Что такое?

— Жозеф Бюкэ...

— Ну и что Жозеф Бюкэ?

— Жозеф Бюкэ мертв!

В гримерной раздались недоверчивые восклицания и испуганные просьбы рассказать о случившемся.

— Да, его только что нашли повешенным на третьем подземном этаже. *Но самое ужасное, —* продолжала срывающимся голосом почтенная дама, *— самое ужасное в том, что рабочие сцены, которые нашли тело, утверждают, будто слышали возле мертвеца какой-то шум, напоминающий заупокойное пение.*

— Это Призрак! — вырвалось у младшей Жири, которая тут же прижала ко рту сжатые кулачки и пролепетала: — Нет-нет! Я ничего не говорила!.. Я ничего не говорила!

А вокруг нее подружки в ужасе повторяли шепотом:

— Точно! Это Призрак!..

Сорелли побледнела.

— Я не смогу произнести приветствие, — прошептала она.

Мамаша Жамм опрокинула рюмку ликера, стоявшую на столике, и высказала свое мнение: в подземельях Оперы и впрямь живет призрак.

Правда в том, что так и не удалось узнать, как именно погиб Жозеф Бюкэ. Краткое следствие не дало никакого результата: единственной версией было *самоубийство*. В своих «Воспоминаниях директора Оперы» господин Моншармен, один из двух директоров, сменивших Дебьена и Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Досадный инцидент нарушил маленький праздник, который устроили по случаю своего ухода в отставку господ Дебьен и Полиньи. Я находился в кабинете дирекции, когда неожиданно туда вошел Мерсье, администратор. Он был крайне потрясен и рассказал, что на третьем этаже подземелья, прямо под сценой, между задником и декорацией к „Королю Лахорскому“, нашли тело рабочего сцены.

Я воскликнул: „Нужно его снять!“ Но пока я бегал вниз и доставал лестницу, веревка на шее повешенного уже исчезла».

Господин Моншармен считал это событие абсолютно нормальным. Человек повесился, его собирались вытащить из петли, а веревка исчезла. О! Господин Моншармен нашел этому простое объяснение: *«Это было время занятий в танцевальном классе, и корифейки и ученицы балетной школы быстренько приняли меры от дурного глаза»**. Все. Точка. Вы можете себе представить, как девушки из кордебалета спускаются по приставной лестнице и делят между собой веревку повешенного за меньшее время, чем понадобилось, чтобы написать эти строки?!

Все это несерьезно. Но когда я думаю о том месте, где был найден труп — на третьем подземном этаже, под сценой, — мне представляется, что где-то там кому-то было нужно, чтобы эта веревка, сделав свое дело, бесследно исчезла; и позже мы увидим, ошибался ли я в этом своем предположении.

Жуткая новость быстро разнеслась по всей Опере, где Жозефа Бюкэ очень любили. Артистические уборные опустели, и юные балеринки, окружившие Сорелли, как стадо пугливых овечек окружает пастуха, поспешили в фойе по скупому освещенным коридорам и лестницам, быстро-быстро перебирая стройными розовыми ножками.

* По примете, кусок веревки повешенного оберегает от дурного глаза.

II

Новая Маргарита

На площадке второго этажа Сорелли и ее свита столкнулись с графом де Шаньи, который поднимался им навстречу. На лице обычно сдержанного графа было написано сильное возбуждение.

— Я как раз шел к вам, — галантно сказал граф, приветствуя молодую женщину. — Ах, Сорелли! Какой прекрасный вечер! А Кристина Даэ, какой триумф!

— Не может быть! — возразила Мэг Жири. — Еще полгода назад она пела, как курица. Но пропустите же нас, мой дорогой граф, — сказала девчонка, сделав шаловливый реверанс. — Мы идем разузнать о том бедняге, которого нашли повешенным.

В этот момент мимо прошел озабоченный администратор. Услышав эти слова, он резко остановился.

— Как! Вы уже знаете, мадемуазель? — довольно грубо спросил он. — Тогда не говорите об этом... Особенно господам Дебьену и Полиньи: это будет для них большим огорчением в их последний день.

И все поспешили в фойе балета, которое уже заполнили приглашенные.

Граф де Шаньи был прав: никогда в Опере еще не устраивали подобного гала-концерта. Те, кто был удостоен чести там присутствовать, до сих пор взволнованно

рассказывают о нем своим детям и внукам. Подумать только: Гуно, Рейер, Сен-Санс, Массне, Гиро, Делиб сменяли друг друга у дирижерского пульта и сами дирижировали исполнением своих произведений. Среди участников концерта были Габриэль Форе и Краус. Именно в тот вечер весь Париж был поражен и восхищен, услышав Кристину Даэ, о загадочной судьбе которой я намерен рассказать в этой книге.

Гуно дирижировал «Траурным маршем марионетки», Рейер — своей прелестной увертюрой к «Сигурду», Сен-Санс — «Пляской смерти» и «Восточной грезой», Массне — еще не опубликованным «Венгерским маршем», Гиро — своим «Карнавалом», Делиб — «Медленным вальсом Сильвии» и «Пиццаicato» из «Коппелии». Мадемуазель* Краус и Дениз Блох исполнили: первая — болеро из «Сицилийской вечерни», вторая — заздравную песнь из «Лукреции Борджа».

Но главный успех выпал на долю Кристины Даэ, которая вначале спела несколько арий из «Ромео и Джульетты». Впервые в своей жизни молодая певица исполнила это произведение Гуно, которое, кстати, еще и не звучало в этом театре, ибо только незадолго до этого было поставлено в Комической опере, а до этого много раньше в бывшем Лирическом театре с мадам Карвальо в главной партии. Ах! Стоит посочувствовать тем, кому не довелось услышать Кристину Даэ в партии Джульетты, увидеть ее непосредственность и грацию, замереть при звуках ее ангельского голоса, почувствовать, как душа устремляется вместе с ним над могилами веронских любовников.

«Господь! Господь! Господь! Прости нас!»

Но это были пустяки по сравнению с тем, как она пела в сцене в тюрьме и в особенности в финальном

* Известных актрис называют не «мадам», а «мадемуазель», независимо от возраста и семейного положения.

терцете из «Фауста», где заменила заболевшую Карлотту. Такого в Опере никогда не слышали и не видели!

Перед публикой предстала новая Маргарита, Маргарита ослепительная, сияющая, о существовании которой раньше и не подозревали.

Весь зал в невыразимом волнении приветствовал бурей восторга Кристину, рыдавшую на руках своих товарищей. Ее пришлось унести в гримерную. Казалось, она умерла. Известный критик П. де Сент-В. запечатлел воспоминание об этом волшебном мгновении в рецензии, которую он удачно назвал «Новая Маргарита». Сам тоже будучи художником в душе, он писал, что певица — это прекрасное и нежное дитя — принесла в тот вечер на подмостки Оперы нечто большее, чем свое искусство, — она принесла свое сердце. Всем завсегдатаям Оперы было известно, что сердце Кристины оставалось чистым, как в 15 лет; и критик П. де Сент-В. писал: «Чтобы понять, что случилось с Даэ, необходимо представить себе: она только что в первый раз полюбила! Возможно, я покажусь нескромным, — добавлял он, — но лишь любовь способна сотворить подобное чудо, такую потрясающую перемену. Два года назад на конкурсе в Консерватории Кристина Даэ всего лишь подавала большие надежды. Откуда же сегодня взялась эта возвышенность? Если только она не спустилась с неба на крыльях любви, остается думать, что она поднялась из глубин ада и что Кристина, как когда-то мэтр Офтердинген, заключила союз с дьяволом! Тот, кто не слышал, как Кристина поет свою партию в финальном терцете из „Фауста“, тот не знает этой оперы, потому что никакая восторженность или святое опьянение не смогли бы превзойти ее искусство».

Тем не менее некоторые владельцы лож роптали. Как смели так долго скрывать от них подобное сокровище? До того вечера Кристина Даэ была лишь вполне сносным

Зибелем около прекрасной, но, пожалуй, слишком земной, материальной Маргариты, партию которой пела Карлотта. И потребовалось непонятное и необъяснимое отсутствие Карлотты на гала-концерте, чтобы юная Даэ без подготовки в полной мере показала себя в разделе программы, предназначенном для испанской дивы. Наконец, как господам Дебьену и Полиньи, лишившимся Карлотты, пришлось в голову обратиться к Даэ? Выходит, они знали об этом еще не распустившемся даровании? А если знали, почему скрывали это? И почему скрывала она сама? Станным было и то, что никто не знал ее учителя, да она и сама не раз говорила, что теперь будет репетировать одна. Словом, все это было весьма загадочно.

Граф де Шаньи стоял в своей ложе, и его восторженные крики «Браво!» вплетались в общий оглушительный хор.

Граф де Шаньи (Филипп-Жорж-Мари) был зрелым мужчиной, ему в ту пору исполнился сорок один год. Это был знатный вельможа, красавец. Роста выше среднего, с приятным лицом, несмотря на тяжелый лоб и холодноватые глаза; он отличался самыми утонченными манерами в отношениях с женщинами и был несколько высокомерен с мужчинами, которые не всегда прощали ему успехи в свете. Он обладал удивительным благородством и честностью. После смерти старого графа Филиберта он сделался главой одного из самых славных и древних родов Франции, корни которого уходят во времена Людовика Сварливого! Состояние рода Шаньи было весьма внушительным, и, когда умер старший граф-вдовец, Филиппу ничего не оставалось, кроме как взять тяжесть управления имуществом на себя. Две его сестры и брат Рауль и слышать не желали о разделе, и все состояние перешло к Филиппу, как будто наследование по старшинству оставалось в силе. Когда сестры выходили замуж — обе в один день, — они приняли свою долю из рук брата не как что-то им

принадлежащее, но как приданое, за которое они были благодарны.

Графиня де Шаньи — урожденная де Мерже де ла Мартиньер — умерла, разродившись Раулем, через двадцать лет после появления на свет старшего сына. К моменту смерти старого графа Раулю исполнилось двенадцать лет, и воспитанием ребенка занялся Филипп. В этом ему охотно помогали сначала сестры, затем старая тетка, вдова моряка, которая жила в Бресте и заронила в душу юного Рауля любовь к морю. Юноша поступил в школу Борда: закончил ее с одним из лучших результатов и совершил свое первое кругосветное путешествие. Благодаря мощному покровительству его включили в состав официальной экспедиции, которая должна была отправиться на корабле «Акула» в полярные льды на поиски пропавших три года назад исследователей из экспедиции Артуа. Тем временем он наслаждался долгим шестимесячным отпуском; и вдовушки дворянского предместья, видя этого красивого, хрупкого с виду юношу, уже жалели его из-за той тяжелой работы, которая ему предстояла.

Этот молодой моряк отличался необыкновенной застенчивостью, даже наивностью. Казалось, он только накануне вышел из-под женской опеки. Действительно, взлелеянный теткой и сестрами, благодаря такому чисто женскому воспитанию он сохранил искренние манеры с печатью какого-то особого очарования, которое ничто не смогло заставить потускнеть. В ту пору ему было немногим больше двадцати одного года, но выглядел он на восемнадцать. У него были светлые усики, красивые голубые глаза и цвет кожи, как у юной девушки.

Филипп баловал Рауля. В первое время он очень им гордился и радостно предвкушал карьеру, которую предстояло сделать младшему брату в военно-морском флоте, где один из их предков, знаменитый Шаньи де ля Рош, служил адмиралом. Во время отпуска юноши граф постарался показать ему Париж, которого тот

почти не знал, Париж, предлагавший самые изысканные радости и удовольствия.

Граф считал, что в возрасте Рауля не слишком-то разумно выказывать сдержанность и благоразумие, хотя сам обладал весьма уравновешенным характером, как в трудах, так и в удовольствиях; являя собой идеальный образец, он был не способен подать брату дурной пример. Он повсюду водил его с собой и даже показал ему фойе балета. Мне известно, что тогда поговаривали, будто граф был «в самых лучших отношениях» с Сорелли. Но можно ли вменить в вину блестящему светскому человеку, холостяку, который мог позволить себе любые развлечения, особенно после того, как его сестры устроили свою судьбу, то, что он часа два после ужина проводил в компании танцовщицы, которая хоть не блистала умом, зато обладала самыми очаровательными глазками? Кроме того, есть места, в которых истинный парижанин, в положении графа де Шаньи, просто обязан показываться, а в ту эпоху одним из таких мест было фойе балета Оперы.

Наконец, Филипп, может быть, и не привел бы брата за кулисы Национальной академии музыки, если бы тот сам не упросил его с тем мягким упорством, о чем граф еще вспомнит впоследствии.

Но вернемся к событиям того вечера. Поприветствовав Кристину Даэ аплодисментами, Филипп повернулся к Раулю и нашел, что тот пугающе бледен.

— Разве вы не видите, — сказал Рауль, — что этой девушке плохо?

И в самом деле, на сцене Кристину Даэ пришлось поддерживать под руки.

— Я вижу, что это ты сейчас можешь лишиться чувств, — с тревогой заметил граф, наклоняясь к Раулю. — Что с тобой?

Но Рауль уже поднялся и дрожащим голосом произнес:

— Пойдем.

— Куда ты, Рауль? — спросил граф, удивленный волнением своего младшего брата.

— Пойдем же посмотрим! Она впервые так пела!

Граф пристально посмотрел на брата, и легкая улыбка проглянула в уголках его губ.

— Ого! — сказал он. И тут же добавил с видом волшебника: — Пойдем посмотрим.

Они быстро прошли к входу, где толпились завсегдатаи Оперы. Рауль принялся нервно тереть перчатки. Филипп, добрый по натуре, и не думал смеяться над нетерпением брата — теперь ему стало ясно, почему Рауль был рассеян, когда он заговаривал с ним, и почему в последнее время так упорно сводил все разговоры к Опере. Наконец они вышли на сцену.

Толпа черных фраков теснилась в фойе балета или устремлялась к артистическим уборным. Раздавались бурные крики рабочих сцены и руководителей технических служб. Подталкивая друг друга, уходили статисты и статистки, занятые в последней картине, над головами проплывали подставки для софитов, с колосников опускался задник, громко стуча молотком, подгоняли декорации, в атмосфере что-то будто предвещало какую-то неясную угрозу, — обычная обстановка антрактов, которая всегда смущает попавшего за кулисы новичка, каким и был молодой человек со светлыми усиками, голубыми глазами и с нежным цветом лица, быстро, насколько позволяла толчея, пробиравшийся через сцену, где только что одержала триумфальную победу Кристина Даз.

Никогда здесь не было такой сутолоки, как в тот вечер гала-концерта, но вместе с тем никогда Рауль не чувствовал себя таким смелым. Он шагал, отстраняя плечом все, что стояло у него на пути, не обращая внимания на окружавший его шум и на растерянные разговоры рабочих сцены. Его занимало лишь одно — увидеть ту, чей волшебный голос проник в его сердце. Да, он ощущал, что его бедное молодое сердце больше ему не принадлежало. С того самого дня, когда Кристина, которую

он знал совсем маленькой, снова возникла на его пути, он пытался сопротивляться. Тогда он ощутил в себе какое-то нежное волнение, которое хотел прогнать, потому что, как честный и благородный человек, он поклялся полюбить лишь ту, что станет его женой; однако, естественно, он даже на секунду не мог себе представить, что возможно жениться на певице. Но через некоторое время сладостное волнение сменилось каким-то жгучим ощущением. Ощущение? Чувство? Оно было материальным и вместе с тем духовным. У него сильно болела грудь, как будто ее вскрыли, чтобы вынуть сердце. Внутри оставалась ужасная, томительная пустота, заполнить которую может только сердце другого человека! Это совершенно особенный процесс, и понять это в состоянии лишь тот, кто сам бывал поражен тем чувством, что зовется любовью с первого взгляда.

Граф Филипп, по-прежнему с улыбкой на губах, с трудом поспевал за братом.

Пройдя через двойные двери, откуда ступеньки вели с одной стороны в фойе и в ложи левой стороны первого яруса — с другой, Рауль вынужден был остановиться перед стайкой учениц балетной школы, которые, спустившись со своего чердака, загораживали проход. Не бросив ни слова в ответ на восклицания, срывавшиеся с накрашенных губок, он вошел в полумрак коридора, наполненный восторженным гулом энтузиастов-поклонников, из которого выделялось лишь одно имя: «Даэ! Даэ!» Граф, шедший следом за Раулем, говорил себе: «Хитрец, знает дорогу!» — гадая, как она ему стала известна, ведь он никогда не водил его к Кристине.

Значит, он уже приходил сюда один, когда граф, по обыкновению, болтал с Сорелли в фойе, а она часто удерживала его до своего выхода на сцену и заставляла прислуживать себе, вручая кавалеру на хранение гетры, в которых выходила из примерной, чтобы не запятнать атласные туфельки и телесного цвета трико. Впрочем, Сорелли можно было понять: она давно потеряла мать.

Граф, отложив на несколько минут традиционный визит к Сорелли, шел по длинному коридору, ведущему в гримерную Даэ. Он отметил, что никогда здесь не толпилось столько людей, как в этот вечер, словно весь театр собрался сюда, потрясенный успехом певицы и ее внезапным обмороком. Юная красавица до сих пор не пришла в сознание, уже послали за доктором, и вскоре он появился, торопливо расталкивая собравшихся, а за ним следом шел Рауль, почти наступая ему на пятки.

Так врач и влюбленный одновременно оказались возле Кристины, и она получила первую помощь от одного и открыла глаза в объятиях другого. Граф же, как и прочие, остался на пороге комнаты.

— Вы не находите, доктор, что этим господам стоит освободить гримерную? — спросил Рауль, сам поражаясь своей смелости. — Здесь невозможно дышать.

— Вы совершенно правы, — согласился врач и выставил за дверь всех, за исключением Рауля и горничной, которая с искренним изумлением округлившимися глазами смотрела на юношу, так как видела его в первый раз.

Однако расспрашивать она не осмелилась, а врач решил, что если этот молодой человек ведет себя так свободно, значит, он имеет на это право. Таким образом, виконт остался и не сводил глаз с приходившей в себя Кристины, а оба директора — господа Дебьен и Полиньи, — заявившиеся выразить своей воспитаннице восхищение, были выдворены в коридор вместе с остальными черными фраками. Граф Шаньи, посмеивавшийся в усы, также был отеснен в коридор.

— Вот плут! — громко расхохотался он, пробормотав *in petto**: — Вот уж верно говорится: бойтесь юнцов, которые напускают на себя вид маленьких девочек. — И, сияя, заключил: — Настоящий Шаньи!

Граф направился к артистической Сорелли, но та уже сама спускалась в фойе в окружении дрожащих

* *In petto* (ит.) — тихонько, тайком.

от страха балерин, и граф встретил ее по пути, как уже было сказано выше.

Между тем Кристина Даэ глубоко вздохнула, повернула голову, увидела Рауля и вздрогнула. Она посмотрела на доктора, улыбнулась ему, затем взглянула на горничную и вновь перевела взгляд на Рауля.

— Сударь, — спросила она едва слышно, — кто вы?

— Мадемуазель, — ответил юноша, опустившись на одно колено и запечатлев пылкий поцелуй на руке певицы, — *я тот маленький мальчик, который когда-то выловил из моря ваш шарф.*

Кристина вновь бросила взгляд на доктора и на горничную, и все трое рассмеялись. Рауль, весь красный, поднялся с колен.

— Мадемуазель, хотя вам так не хочется узнавать меня, я хотел бы сказать вам нечто важное наедине.

— Если можно, когда мне станет лучше, сударь. — И ее голос дрогнул. — Вы очень любезны...

— Но вам лучше выйти, — добавил доктор с самой любезной улыбкой. — Позвольте вам помочь, мадемуазель.

— Я не больна, — сказала Кристина, вдруг ощутившая неожиданный прилив сил.

Она встала и быстрым движением провела ладонью по векам.

— Я очень вам благодарна, доктор... Но мне надо остаться одной. Выйдите все! Прошу вас... Оставьте меня. Я так раздражительна сегодня...

Врач собрался было протестовать, но, заметив возбуждение девушки, решил, что в таком состоянии лучше с ней не спорить, и вышел в коридор вслед за расстроенным Раулем.

— Я сегодня не узнаю ее. Обычно она такая сдержанная... — С этими словами он удалился.

Рауль остался один. Толпа уже разошлась. Должно быть, в фойе балета уже приступили к церемонии прощания. Рауль подумал, что, возможно, Кристина тоже

отправится туда, и стал ждать в тишине и одиночестве. Он даже отступил в тень. Ужасная боль в сердце все еще давала о себе знать. Об этом он и хотел без промедления поговорить с Даэ. Вдруг дверь гримерной открылась, из нее вышла горничная — одна, с какими-то пакетами в руках. Он остановил ее и справился о здоровье хозяйки. Она со смехом ответила, что та чувствует себя хорошо, но не стоит ее беспокоить, потому что она желает остаться одна. Горничная убежала; в воспаленном мозгу Рауля мелькнула мысль: Кристина захотела остаться одна *из-за него!* Разве он не сказал ей, что должен поговорить с ней наедине, и разве не поэтому она попросила всех уйти? Стараясь не дышать, он приблизился к гримерной, приложил ухо к двери, чтобы расслышать ответ Кристины, и уже собрался постучать. Но рука его тут же опустилась. Он услышал там внутри *мужской голос*, который произнес с повелительной интонацией:

— Кристина, тебе нужно полюбить меня!

Ему ответил дрожащий, исполненный отчаяния, почти плачущий голос Кристины:

— Как вы можете говорить мне это! *Мне, которая поет только для вас!*

Рауль бессильно прислонился к стене. Сердце, которое, как ему казалось, он потерял навсегда, вновь возвратилось на свое место. Ему почудилось, что эхо его ударов раскатилось по всему коридору, а сам он был будто оглушен. Если сердце будет биться так громко, его услышат, откроют дверь и с позором прогонят. Унизительная ситуация для человека с именем де Шаньи! Вообразите только — подслушивать под дверь! Он обеими руками прикрыл сердце, пытаясь заглушить его. Однако это ведь не собачья пасть, и потом, даже если сжимать обеими руками пасть истошно лающей собаки, все равно будет доноситься ее рычание.

— Вы, должно быть, утомлены? — продолжал тот же мужской голос.

— Ах! Сегодня я отдала вам всю душу и теперь почти мертва.

— Твоя душа прекрасна, дитя мое, — произнес мужчина низким голосом, — и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка! *Этим вечером ангелы плакали...*

После слов «этим вечером ангелы плакали» ви-конт ничего больше не слышал. Однако он не ушел, а, опасаясь быть застигнутым, забился в темный угол, решив дожидаться, пока мужчина не выйдет из гримерной Кристины. Он только что открыл для себя одновременно и любовь, и ненависть. Он знал, что любит, и хотел увидеть того, кого ненавидит. К его величайшему изумлению, дверь отворилась и Кристина Даэ, одна, вышла в коридор, закутавшись в меха и спрятав лицо под вуалью. Девушка закрыла за собой дверь, но Рауль заметил, что она не заперла ее на ключ. Он даже не проследил за ней взглядом, потому что глаза его были прикованы к двери, которая все не отворялась. Когда коридор снова опустел, он подбежал к двери, распахнул ее и тотчас закрыл за собой. Его обступила непроглядная тьма — газовый рожок был погашен.

— Здесь кто-то есть? — спросил юноша звенящим голосом. — Почему вы прячетесь?

Говоря это, он все еще опирался на закрытую дверь.

Ночная тьма и молчание были ему ответом. Рауль слышал только собственное дыхание. Он совершенно не отдавал себе отчета в том, насколько нескромность его поведения превосходит все допустимые пределы.

— Вы выйдете отсюда, лишь когда я позволю вам это сделать! — выкрикнул он. — Вы трус, если не хотите откликнуться! Но я найду вас!

И он чиркнул спичкой. Ее огонек осветил комнату. Она была пуста! Рауль, предусмотрительно заперев дверь на ключ, зажег все лампы. Прошел в туалетную комнату, открыл шкафы, ощупал влажными руками стены. Ничего!

— Ах так! — недоуменно проговорил он. — Я что, уже схожу с ума?

Минут десять он стоял в пустой гримерной, слушая шипение газа, и, хотя он был без памяти влюблен, ему даже не пришло в голову унести с собой хоть ленту, которая хранила бы для него запах духов любимой. Потом он вышел, не зная, что делает и куда направляется. Так он шел некоторое время, пока в лицо ему не повеяло ледяным ветром. Он оказался у подножия узкой лестницы, по которой спускался кортеж рабочих с носилками, прикрытыми белым покрывалом.

— Где здесь выход? — спросил Рауль у одного из них.

— Вы же видите! Прямо перед вами, — ответили ему. — Дверь открыта. А теперь пропустите нас.

Он машинально поинтересовался, указывая на носилки:

— А это что такое?

— Жозеф Бюкэ, его нашли повешенным на третьем подземном этаже, между опорой балки и декорацией к «Королю Лахорскому».

И Рауль, сняв шляпу, отступил в сторону, пропуская кортеж, и вышел.

III

**Глава, в которой господа Дебьен и Полиньи
впервые сообщают по секрету новым
директорам Оперы Арману Моншармену
и Фирмену Ришару истинную
и таинственную причину своего ухода
из Национальной академии музыки**

А в это время проходила церемония торжественного прощания.

Я уже сообщал, что этот удивительный праздник давали по случаю своей отставки Дебьен и Полиньи, которым хотелось, как говорится, уйти красиво.

В организации программы этого идеального, но мрачного вечера им помогали самые известные в Париже лица, как из светского общества, так и из художественных кругов.

Все они собрались в фойе балета, где уже стояла Сорелли с бокалом шампанского и приготовленной речью на устах, ожидая появления экс-директоров. Позади нее столпились балерины из кордебалета, юные и не слишком, некоторые шепотом обсуждали события прошедшего дня, другие украдкой, знаками приветствовали друзей, которые шумной толпой окружили буфет, воздвигнутый на наклонной платформе между двумя панно Буланже: *воинственным танцем* с одной стороны и *сельским* — с другой.

Некоторые балерины уже переоделись в обычные платья, но большинство были еще в легких газовых юбочках, и все старательно принимали подобающий случаю вид. Только малышка Жамм, чей счастливый

возраст — пятнадцать весен! — помог ей беззаботно забыть и Призрака, и смерть Жозефа Бюкэ, не переставала тараторить, щебетать, подпрыгивать и проказничать, так что, когда в дверях появились Дебьен и Полиньи, нетерпеливая Сорелли сурово призвала ее к порядку.

Все заметили, что у господ отставных директоров был очень веселый вид, что в провинции показалось бы неестественным, а в Париже сочли признаком хорошего вкуса. Невозможно стать парижанином, не научившись непринужденно надевать маску радости при всех печалях и неприятностях, «полумаску» грусти, скуки или безразличия при искреннем веселье. Если кто-то из ваших друзей попал в беду, не пытайтесь утешать его — он скажет вам, что все уже в порядке, но, если случилось нечто приятное, будьте осторожны с поздравлениями, потому что удача кажется ему настолько естественной, что он будет очень удивлен, если вы заговорите об этом. Париж — это нескончаемый бал-маскарад, и господа Дебьен и Полиньи были достаточно учеными, чтобы выказать свою грусть где угодно, только не в балетном фойе Оперы. Итак, они наигранно улыбались Сорелли, и она уже начала свою речь, как вдруг послышалось восклицание глупышки Жамм, погасившее улыбки директоров, и на лицах присутствующих проступило отчаяние и даже страх.

— Призрак Оперы!

Жамм бросила эту фразу с неопишуемым ужасом, указывая пальчиком в толпе черных фраков на лицо, такое бледное, мрачное и уродливое, с такими глубокими глазницами под безбровыми дугами, что вышеуказанный череп тут же возымел оглушительный успех.

— Призрак Оперы! Призрак Оперы!

Смеясь и подталкивая друг друга, все устремились к Призраку с шампанским, но он неожиданно исчез! Он как будто растворился в толпе, и все поиски были напрасны. А тем временем два пожилых господина

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие, в котором автор этого загадочного произведения рассказывает читателю о том, как он убедился в существовании Призрака Оперы	7
I. Призрак?..	13
II. Новая Маргарита	25
III. Глава, в которой господа Дебьен и Полиньи впервые сообщают по секрету новым директорам Оперы Арману Моншармену и Фирмену Ришару истинную и таинственную причину своего ухода из Национальной академии музыки	38
IV. Ложа № 5	47
V. Ложа № 5 (<i>Продолжение</i>)	56
VI. Волшебная скрипка	64
VII. Посещение ложи № 5	86
VIII. Глава, в которой рассказывается о том, как Ришар и Моншармен осмелились дать «Фауста» в проклятом зале, и о том, что из этого вышло . . .	89
IX. Таинственный экипаж	108
X. На маскараде	118
XI. Следует забыть имя «голоса»	131
XII. На чердаке	138
XIII. Лира Аполлона	149
XIV. Мастерский удар «любителя люков»	177

XV. Причудливый способ употребления английской булавки	191
XVI. «Кристина! Кристина!»	198
XVII. Удивительные признания мамыши Жири, раскрывающие секрет ее личных отношений с Призраком Оперы	203
XVIII. Продолжение забавных маневров с английской булавкой	216
XIX. Комиссар полиции, виконт и Перс	222
XX. Виконт и Перс	229
XXI. В подземельях Оперы	238
XXII. Интересные, поучительные, но в то же время скорбные излияния Перса в подземельях Оперы . .	257
XXIII. В «камере пыток» (<i>Продолжение рассказа Перса</i>)	275
XXIV. Пытки начинаются (<i>Продолжение рассказа Перса</i>)	284
XXV. «Бочки! Бочки! Вы продаете бочки?» (<i>Продолжение рассказа Перса</i>)	292
XXVI. Повернуть скорпиона? Повернуть ящерицу? (<i>Окончание рассказа Перса</i>)	305
XXVII. Конец любви Призрака Оперы	315
Эпилог	326
Комментарии. Г. Соловьева	337

Литературно-художественное издание

ГАСТОН ЛЕРУ
ПРИЗРАК ОПЕРЫ

Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Алексея Положенцева
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова,
Алевтина Борисенкова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 31.05.2018.
Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 15,51.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AXB-8234-10-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/